

Яхта выходит из пандемудии

Автор А.Г. Мартынов

Пандемудия — происходящие процессы

и предпринимаемые действия

под прикрытием пандемии

(Словарь «недостоверных определений»)

Солнце лениво поднималось над горизонтом, одаривая своими лучами редких оказавшихся на набережной пляжа. Пляж был еще совершенно пуст и морские волны, если можно их назвать волнами, при полном штиле, лениво ласкались о прибрежную черту. Над морем удерживалась легкая дымка, обещающая знойный день.

Оказавшихся можно было разбить на две группы – персонала питейно-жевательных заведений и уборщиков, которые уже к этому времени отдраили набережную, как палубу. Этим случайно оказавшимися не назовешь. К случайным можно было бы отнести двух мужчин среднего возраста, приметных по телосложению и внешнему виду, если бы не редкие приветствия в их адрес работников отдельных баров. Они на крейсерской

скорости пролетели, чуть ли не к самому лучшему бару. Их встретили убирающие с уважением. Выдвинули столик ближе к морю, к парапету, ограждающему набережную. Через минуту из бара вышел в обычной одежде, ещё не переодевшийся в фирменную, поздоровался с улыбкой за руку, выслушал их и ушёл. Через две минуты стол накрыли белой скатертью, поставили воду. Через три-четыре принесли виски, лёд, легкую закуску. Воду выпили сразу и приступили к виски.

У меня трубы горели не меньше. Здесь быстро наливают, и я решил бросить якорь. Но, увы! Мне вежливо ответили, что ещё рано: «... мы пока не обслуживаем.» Ничего не оставалось, как продолжить дрейф и сделать вывод, что я здесь – единственный случайный.

Правильное осознание – правильное поведение. Иду дальше, с интересом всматриваясь в убирающих в барах. Один из них на мне задержал взгляд. Это был сигнал понимания. Я направился к нему. Он без слов указал мне на столик с краю. Спросил быстро – водки, виски? И ушёл. Стоя жду выдвижения стола, скатерть, воду, которой мне хотелось больше, чем виски.... Но, уже услышал – садитесь. Сел за голый стол. На него бухнулся граненный стакан с водкой и немного оливок. Я здесь три дня. И уже не раз бухал. Цены тут заоблачные. И я ему зарядил сразу примерно три цены – на столе было-то всего немного. Реакция была моментальной, через две минуты я, балдея, пил воду. И не успев ей полностью освежиться, как на столе появилась порезанная семга. И что чудно с лимончиком. Я накатил, с удовольствием закусил. Жизнь начала налаживаться.... От добра, добра не ищут. Взяв с ходу три заоблачных цены, и промыв мозги решил не оставаться на них небожителем. И хотя ещё на берегу со второго захода бросил здесь якорь.

Позвал взглядом человека и теперь уже более четко выразил себя – вискаря со льдом. Он взглядом спросил какие. – Да, любые, получше. – Промытый мозг после ночного боевого дежурства работал исключительно! Назови, а их нет. И загружай себя – думай какие... Они прибыли, но не в бутылке как у тех лихих, а в стакане. Погасив перед этим пожар в крови пол стаканом водки, начал их медленно потягивать.

Мир вокруг начал приобретать не только другие краски, но и оттенки. Посмотрев на солнце, вспоминая, что оно поднималось в какой-то дымке. Сейчас её не было. Задумался. А может её вообще не было? Удивлялся чудесам природы – мозги промыл от тумана в голове, а дымка пропала на море. Понравился сам себе.

Как поменялась жизнь. Раньше на пляже было не протолкнуться, приходили рано занимать места – расстилали полотенца. А сейчас никого? Выпил, закусил... И – опаньки! Полыхнул в глазах ужас. Пандемудия - то не закончилась. А ужас выбивает из своей колеи напрочь. Ведь Собянин расписал и говорил, что жителям домов гулять по очереди. И в этой очереди гулять на дистанции друг от друга. И надо знать, что, если, к примеру, дом смотрит на северо-запад, обязательно он должен смотреть и на юго-восток, как сказал Галкин. А куда и как смотрит моя гостиница? О, мама мия! Я же не в Москве! Но, вижу дистанции нет ни с кем. Да и полосы на тротуарной плитке отсутствуют. А жаль, если бы возник бубновый интерес к дистанцированной, я его бы преодолел одним прыжком. Здесь не всё на свои местах - бухать на берегу можно, а купаться нельзя. А почему нельзя - не сказали. Задумался. Ковиду пришили крылья от летучих мышей. А сам Ковид – отвратительный на вид. Его засняли и показывали, но крыльев не заметил. Они, наверное, слабые. А Ковиду дали задание распространиться везде, и море перелететь. Не долетает, падает и заражает купающихся. Здесь, наверное, будет свой заход в воду. Интересно, пол будет учитываться? Дистанция, наверное, по размеру. Случайно взгляд падает на стакан со вторым виски. Всё понял, перехожу на кофе. Подзываю. Увы, они так рано не варят – нет бармена. Вспоминаю, что виски с колой лучше усваивается. Спрашиваю, несут. Только начали успокаиваться...

И, опаньки, по набережной наплывают те двое. Благодаря их примеру день начался хорошо. Рассчитываюсь с человеком по полной. Четко осознаю, что он ещё не кончился. Пристраиваюсь к ним в кильватер. Мне всё равно на что глаза пялить. Видел как они хорошо распоряжаются да и в законе здесь, может ещё хорошее подскажут. Наскучался по людям в самоаресте. А здесь вроде в кампании. Дистанцию в полтора метра всё же увеличу до трёх-пяти. Сразу вспоминаю старика соседа по подъезду в Москве. Стоит прижавшись к стене у входной двери. Тогда наплыли сожаления. Не сидел, поэтому в полную силу не испытал радости освобождения из под самоареста. И тут по новой несёт – не зарекайся от сумы и от тюрьмы. Ладно ещё не то впереди. Стоит, прижавшись к стене у входной двери. Поздоровались. Просит: сыночек, посмотри, нет там подозрительных, погуляю хоть вокруг дома., хоть чуть подышу. Вышел – никого. А камера?! Эти повсеместные долбаные газоны – камня не найдёшь – запустить в неё. Захожу: отец, за тобой фашист наблюдал из противоположного окна? Отвечает: наблюдал. В глазах хитринка. Да, я за ним тоже в прицел, снайпером был. Комок к горлу – не могу говорить, хрипло: выходи, Иван Николаевич, – никого. А властям – вот хрен вам, и вы не добьете старика своей изоляцией.

У этой пары курс в другую сторону пляжа. До туда я вчера не дотянул, хотя издали видел, что там интересно.

Да и Москва, как хроническое заболевание. Сбежал на радостях на неделю. И опять за

свое. Прожив десять лет, уезжал из неё когда-то навсегда. Через полгода вернулся. Правы древние – дважды в одну реку не войдешь. В ней утекла вода десяти лет жизни, да, берега то остались. Да! Но приехав их не узнал. Когда-то в Москву было не въехать. Не давали уничтожать деревни и оголять малые города. Прописывали только нужных приглашенных специалистов. Заводы строились и много, на торгово-развлекательные центры денег не тратили, незыблемо стояли старые ГУМ, да ЦУМ. Разрешали лимитчиков, без права прописки и получения квартир. Сам сюда через лимит пробрался. А последние годы в неё всеми силами заталкивают, ипотеку навязывают сами центральные власти. Помогают выкачивать банкам деньги. Ещё земли на полторы Москвы прирезали. Двинули фуффло, что туда переедет Правительство, Федеральное собрание, всякие агентства и конторы. Народу понятно, что избранным тесно. Их сейчас в России в 4,5 раза больше, чем было во всем Союзе. Ну, хренушки, – все остались в центре. А там земля в разы в цене подскочила: ею хорошо расторговались. Переселенцы туда с периферии прут. Сейчас, как никогда Москву точечной застройкой высотками придушили. Зачем? Раньше инородцев было мало. И встречались они больше на колхозных рынках. Сейчас все рынки уничтожили. А этих – приезжих – стало в разы больше. А что им делать, если на родине у них нет работы?! Произошла полная деиндустриализация промышленности всего бывшего Советского Союза. И покупают они не квартиры, а целые подъезды. Население растет на радость макоронивирусу. Когда люди в куче, он распространяется моментально: центральные новостные каналы это демонстрировали, цифрами, запугивая население. А так ему бедному за этими здоровыми чертями гонятся по окраинам. Плотность населения в России-то, меньше чем в Сахаре!

Ну кретин! Хоть не пей! Несёт! Вернувшись мозгами в эту долбанную Москву, ничего не заметил по дороге. Пляж закончился и уперся в какую-то проезжую часть. На другой её стороне был забор до самой воды с въездными воротами и калиткой. Набережная как бы раздваивалась: слева дорога упиралась в шлагбаум, за которым, выдвигаясь в море, разместился яхтенный пирс, а справа подъездная дорога поднимаясь, пересекалась недалеко с другой, небольшой подъездной. На их пересечении скучал регулировщик.

Как я сюда попал? Начал вспоминать, во всё всматриваться. Перешёл подъездную дорогу, подошёл к охраннику узнать, что это такое? Он уклончиво ответил, что закрытая организация. Но, оказалось, не совсем. Я стоял перед сплошными воротами и их пришлось открывать: въезжал «мерин»...

И открылся предо мной рай на земле. Не мог оторвать взгляда. Даже не разглядел кто в машине. На берегу, накрытые белоснежными балахонами, стояли широкие разноцветные лежаки. Несмотря на раннее утро, (а какое раннее, если я уже опохмелился), трое мужчин в плавках выходили из воды. Четверо или трое женщин, (было не до счёту,

засмотрелся), прогуливались по воде вдоль берега...

Картина выглядела яркой. Но... опа! Закрывшиеся ворота клацнули внутренним замком, скажу мягко, перед носом. Позже я представлял картину: стоящего дятла перед глухими закрытыми воротами. Здесь была явная непруха. И меня буквально прострелила мысль – а где люди: люди, за которыми я пристроился? Впрочем, с утра у меня одни везения. Поворачиваю налево голову – они движутся от конца пирса в мою сторону, после прогулки. Проявляю меры предосторожности. Вдруг они видели, что я следовал за ними, а сейчас вообще пру на них. Пошёл вправо в сторону регулировщика, он изредка поднимал жезл останавливая движение, отдавал честь, пропуская шикарные авто. Сказочный июнь месяц. Стекла опущены и я залюбовался контингентом, но это длилось недолго. Постовой оказался любознательным – поинтересовался у меня, кого я ожидаю. Сказал никого. Он мне по-дружески предложил продолжить прогулку. Не могу отказывать вежливым людям.

Поворачиваюсь назад и метрах в 30-40-х до шлагбаума на пирсе размещаются «мои друзья по похмелью». От таких стрессов у меня внутри от похмелья мало что осталось. Своё появление рассчитываю до мелочей. Все зависит от шлагбаума на пирсе – остановят, всё... Иду смело, на меня глянули и хоть бы хны. Приняли за местного с учетом того сколько я уже здесь толкаюсь. Иду дальше вглубь пирса, на своих знакомых «ноль внимания, фунт презрения», напряжен. Иду дальше, разворачиваюсь. Эти двое на что-то примостились, разглядывают, то ли яхты, то ли море.

Чтобы не выглядеть праздношатающим, я тоже стал заглядывать в морскую воду. Озабоченность мне не надо было разыгрывать. Я искал в воде трупки ковидов с крылышками летучих мышей, из-за которых не разрешают людям купаться даже с соблюдением дистанции. Работает же у меня голова. Вот в чем основная причина. В воде нельзя провести красные разграничительные линии, как в магазинах. Но при этом нельзя же всех оскорблять подозрением, что они не могут на глаз определить полтора метра дистанции. Это всё из-за таких поддатых, каким был я сегодня с утра пока не опохмелился... И здесь опять клинит сожаление – не могу местным властям дать дельного совета. Нет на них Собянина: у нас всё расчертили моментально. Но хорошо... начертят линии на булыжниках, а на воде у берега, а в заплыве?! Ага, не всё со мной потеряно – на суше поставить через полтора метра перегородки и от них до буя ограничивающего глубину заплыва протянуть полосы с поплавками, как в бассейнах.

И удар за ударом. А как же там люди, да какие люди, видел сам, за глухими воротами. А вот разграничительных красных линий точно, точно не видел. Эти классные девчата шли

по воде вдоль берега и не спотыкались. А ворота глухие зачем? Может уже начали сгонять, оставляя только золотой миллиард?! Ведь два пляжа разделяет только пирс: там купаются, здесь нет... Да и сам я двуличный! Когда всё срастается, самоуверенность из меня прёт. Когда нет - валю все на похмелье.

У природы-матери все равны, говорят одни. Другие говорят, что везет только дуракам и пьяницам. Блаженство. Штиль сменился легким бризом и так нежно продувает мозги... Ой-ей! А где этих два корефана?! Вон они где разместились около шлагбаума. Я настолько быстро направился в их сторону, что только в последний момент затормозил. Подошёл к красивой, очень красивой яхте и начал её рассматривать. Сделав вид впечатляющегося, перешёл на другую сторону пирса. И здесь во второй раз подряд оценил справедливость пословицы – кому везёт. Два настоящих морских портовых кнехта, как памятник прошлому стояли поодаль друг от друга в пяти-шести метрах. Один из них оставался свободным, на другой полу-стоя – полу-сидя оперлась эта пара. И чтобы не вызвать подозрения я разместился на другом спиной к ним, как бы рассматривая и яхту, и море.

Они продолжали свой разговор, достаточно громко, как-будто меня и не было. Признаться меня это и обрадовало, и задело – что я им, пустое место? Вели разговор несколько развязно, что несколько не клеилось с их внешним видом. На яхте занимались неторопливо своими делами. Заметно было что она не скоро отвалит от причала. Наконец-то, кто-то подъехал. Внешний вид его не вязался с блеском и видом судна. Когда вышел из машины, что-то коротко сказав водителю, он не взшёл по трапу, а взлетел кивнув уже на палубе головой двоим-троим, встретившимся по дороге.

– Как ты думаешь кого это принесло? Наверное ремонтник, какие-то неполадки, но на такой тачке?!

– Серёга, на тачке из коровника дерьмо возят, а это автомобиль достаточно дорогой, безопасный, насколько это возможно, и в меру не броско, но к месту протюненгован.

– А мэн?

– А мэн – это хозяин этого корыта. Не смотри на меня так, это тебе за тачку. Ему хватало

парадных почестей и аплодисментов. От этой дешевки, когда знаешь себе цену, быстро устаёшь. А здесь его представляет судно, жаль, что зрителей нет.

Он был не прав. Зритель был рядом, любуясь красотой яхты, ловил каждое слово. Но поскольку он был писатель, то многое и многое домысливал.

– Макс...

– Ты переопохмелился, больше не наливаю. Я Максим, а не Макс – это погоняло для меня позорное. Все падлы, которые хотят стать со мной на короткую ногу, так обращаются ко мне. И всё для себя портят.

Сергей аж взвился. Грешным делом подумал, что Максим перебрал в своем негодовании.

– Наконец-то я тебя достал. Ты что говоришь, что ходишь словно сонная муха. Сейчас разбудил, потом ещё похмелю.

– Сучок ты! Я по пьяни клюнул.

– Вот у этих – свой приватный пляж, у этого парня, если он в самом деле хозяин, яхты. О присутствующих не говорят! Хотя и можно сказать. Вспомни нашу Горькую линию. Сколько было радости, когда у деда Миши выпрашивали лодку, как с неё ныряли и купались где хотелось. Теперь только с одной стороны купаются. А вспомни сколько прошли на твоей яхте. Испания и не одного приватного пляжа. Даже спросили, в Аликанте на пирсе. Сказали их нет, вся береговая линия, в том числе и островов принадлежат Военно-морскому флоту.

– Другим, и почему другим, всем повесили на уши макоронвирус, загнали в пандемудию, и заботясь о «трудящихся» предложили самим арестоваться.

– Так что, по-твоему, нет вируса?

– Был, есть и будет. Только меры принятые превышают в сотни раз опасность и в тысячи раз здравый смысл.

– Серый, ты на меня прѐшь, будто я принимал решения. А те, кто у нас принимают, они сами подневольные. За ними глаз, да глаз.

– И что, мы все в одном положении?

– И называется оно глобальным, уже стало тем самым куда нас тянули за уши власти, со своей демократической шоблой. Это подтвердила объявленная пандемия, принятая почти всеми государствами. Обрати внимание государствами, а не народами. Такая подневольная солидарность не впервой. В 41-м войну Советскому Союзу не только солидарно, но и в одно время объявили 33 государства. В их числе были и братья-славяне.

– А президенты, а наш Путин?

– У него положение незавидное. Его описал Проханов в газете «Завтра» в статье между двух сосен. Экономика не сложилась, оставив 90 процентов населения в заднице и оно начинает просыпаться. А те десять процентов которые почти все разворовывали, начали играть свою игру с мировым правительством, отдавая в его власть и собственность целые отрасли, последняя из них алюминиевая. То есть он между двух Игоревых сосен.

– Так, что живут в своё удовольствие только 10%?

– Нет, в банде не живет в удовольствие никто. Кидалово со всех сторон полное. Самый верх переевший долларов не знает куда их употребить и погруженных в кучи тайных обществ, умышленно называю их тайными, а не масонскими – они задумывались по другому. А в этих, увлеченные только их скрытыми тайнами, а такое есть в природе, подвигают друг друга на черти что.

– Но как к этому можно прийти?

– Чем больше и больше зарабатывали на организации реального производства, тем больше становились аппетиты. Помнишь у Маркса, что если прибыли превышают 300%, то уже нет преград, которые не переступит эксплуатация.

– И сколько сейчас процентов?

– Это уже невозможно посчитать, потому что ушли от реального капитализма и традиционной эксплуатации к схемам разворывания и валютной спекуляции. Реальное производство осталось нам дуракам.

– О дураках потом. Хорошо, что из них один рядом. Максим, а как приходят к такому солидарному насилванию мира.

– Постепенно.

– Как?

– Есть такое слово жадность... Вещь странная. Все тебе мало, накапливаешь, накапливаешь богатств. Накопил. Всё не интересно. Ломятся за счет этих денег во власть. Там так её не отдают. Начинают проплачивать её имеющим, сливаются с ней, становятся ею и получают огромные возможности ещё больше грабить. Награбили. И вот о чем мы говорили, исключительность посвященных в тайны начинает

подстегиваться не меренными деньгами и владением собственностью. Всё забрали, а людей численностью в семь миллиардов, при объявленной идолом демократией не заберешь. И земной шарик остается по-прежнему общим.

– А лидеры государств? У них всегда основная задача, получив власть, удержать её любыми способами. Они в этом солидарны с мировой верхушкой. Поэтому они двинули твою пандемудию солидарно. Но чтобы не вылезли уши, объявили её через Всемирную организацию здравоохранения. Они её финансируют и держат под собой для такого случая.

– А ООН?

– Проснулся. Заткни эту контору себе в одно место, и чтобы не выглядеть дураком, нигде этого не спрашивай.

Их трёп зашёл так далеко, что меня временами бросало в жар и не напрасно. Потом опишу, не буду прерывать важное изложение.

– Максим, чуть остынь, не опускай. Такого слушателя не найдешь. Ну, объявили пандемудию, а дальше?

– Нагнетают ужас новостными каналами, заявлениями правителей. Всё это вместе называется шоковой терапией.

– Батюшки, Гайдарушка со своим причмокиванием воскрес! Как и тогда, так и сегодняшние гайдарушки, используют его методы.

– Он и они пешки в этом деле. А шоковая терапия появлялась до них не один раз и, как способ воздействия, уже не раз и после. Как именовалась агрессия против Ирака? Шок и трепет. Два слова раскрывают всю последовательность: сначала шок, порождающий

трепет перед насильниками.

– Это при Гайдарушке и после. А до него?

– Красный Троцко-Ленинский террор, и там отличился тоже его дедушка Аркадушка – начальник обоза, приводящий смертные приговоры в исполнение на территории Енисейского казачьего войска. Жестокость этого в будущем «детского писателя» описал в «Соленом озере» Солоухин. И никаким командиром полка в шестнадцать лет он не был. А ты не помнишь сколько было у нас в станицах на Горькой линии «счастливиц» укрывшихся, да и переселенных после Директивы Свердлова о поголовном истреблении казачества. А сколько донцов замерзло, по рассказам дедов в казахских степях...

Замолчали оба надолго. Думал разговор уже не возобновится...

– Мы ушли, Максим, от разговора о пандемудии, и почему ты так её называешь?

– А потому, что под прикрытием пандемии – понятие классическое, на ней, не только у нас отрабатываются элементы электронного концлагеря, но и изучается поведение людей во всемирной изоляции.

– А зачем так нагоняют ужас?

– Чтобы ты побежал не только сам, но и повел семью на вакцинацию. За этим крутятся огромные деньги на лечение больных и якобы больных, на оборудовании неудачном, которое воспламеняется. Мелочевкой, масками, перчатками тоже не брезгают.

И самое главное Дебил Гейтс должен вернуть не только вложенные миллиарды в вакцину, но и заработать. В мире уже идет огромный протест против проведения вакцинации. И здесь этому Дебил Гейтсу «повезло», когда спросили его, будет ли он

вакцинировать своих детей? Он ответил, что они у него здоровы. Он ждёт наших больных и нас.

– Максим, мрачно очень мрачно!

– Это у тебя в голове на похмелье мрачно, и тебе как большинству не хочется знать истинное положение. Библейское «умножая знания, приумножаешь скорби». И у тебя, и у них должно наступить просветление. Из их команды и Чубайс, и Гейтс – открыто заявляют о сокращении численности населения в семь раз. Вторит им и Греф, опираясь на каббалу, что надо ухудшать образование, чтобы большинство людей не смогли разобраться, что происходит. К ним можно относиться по-разному. Но не откажешь им в организаторских способностях. Не знаю, как они будут отвечать за преждевременный звон перед своими тайными обществами, но мы теперь знаем их истинные намерения.

– Максим, а кто больше всего устал от этих всех заморочек?

– Население в своем абсолютном большинстве и обеспечивающий его жизнь реальный бизнес. Усталость запредельная, его организаторы сбрасывают его с себя. Пандемудия добьет его остатки.

– А ты сам разбирался, как ты к этому пришёл?

– Ты и без меня знаешь, как и когда.

– Знаю результат, знаю основания. Спрашиваю ещё раз: сам ты с собой теперь до конца разобрался...

Вопрос повис в воздухе. К яхте неожиданно для всех подъехал микроавтобус. Из него высыпали девчата, одна красивее другой. Численность их из-за растерянности так и не смог определить, где-то в районе десятка.

Трап от причала шёл вверх на вторую палубу. И они по нему поднимались одна за другой, как на подиум. Изящество фигур и стройность ног шокировали. Хозяин яхты и здесь не появился.

Сергей под впечатлением обратился к творчеству Розенбаума, - «Бабки

вместо берёз шелестят над страной. Мерседесы, да девки огонь». Всё было так к месту... И здесь я, конспиратор, как казалось мне тогда, допустил промах... Повернулся в сторону соседей и как бы в знак солидарности одобрительно вместе с ними улыбнулся. Сергей не преминул прокомментировать событие какой-то непонятной улыбкой.

– Официантки, наверное, для обслуживания? - спросил Сергей

– Да, для обслуживания, – изрек Максим.

Все мы почувствовали желание размяться.

– Ну что, допохмеляемся?!

Я думал, что эти последние слова касаются только Максима. Но, увы! Опять ошибался. Началось раздвоение моей личности. Очень хотелось слушать треп этих двух парней. По возрасту они были несколько старше парней. Но по простоте похмелья и трепу друг с другом можно было многое понять. Они были друзьями с детства. Жизнь у них сложилась по-разному. Но они не теряли друг друга и тогда, когда один сколдовал себе на яхту: второму всегда на ней находилось место. Они никогда не зависели бабками друг от друга: деньги портят отношения. Всё это я узнал несколько позже...

Гости или пассажиры (так и не смог определиться, примеч. Автора), поодиночке и с

пассажирами тянулись медленно, долго и даже лениво. Но теперь их встречал лично сам капитан. Со многими, похоже, он был знаком. Что-то им говорил, наверное, номера кают. Они – кивком его благодарили. Временами он доставал какой-то листок, смотрел в него, потом на часы, покачивал головой. и терпеливо смотрел в сторону шлагбаума. Картинка вся эта мне надоела, я стал наблюдать за движением на яхте. Кокпит (открытое помещение для пассажиров в кормовой части палубы на яхте, прим. автора) был довольно обширным. За счет того, что рулевой находился не перед ним, а выше, над ним. Пассажиры и несколько пассажирок, число их то уменьшалось, то увеличивалось, были увлечены фуршетом. Их обслуживали парни в форменной одежде. Официанток, которые прибыли раньше всех почему-то не было видно, как и хозяйина. Одна пара уже сошла на пирс и пройдя за шлагбаум уехала, наверное, не вытерпела сборов. Так смотри и другие разбредутся.

Внимательно присматриваюсь к общей движухе. Многие проходят вдоль борта на носовую палубу. Одни там задерживаются, другие быстро возвращаются к фуршету на кокпите. Увлечись этим дурацким кокпитом, я не допер, что хозяйин там на носу. Они ходят к нему. Да и там, теперь я вижу, тоже фуршет..

Любой, даже мало знающий хозяйина может заметить, что хозяйин чем-то пригружен. Поэтому поздоровавшись одни быстро уходят, другие задерживаются на некоторое время. Но не для решения с хозяйном своих проблем. Все знают, что на яхте это запрещено. Но куда деться от своих проблем и внутренних разборок с самим собой. Это как любимая песня всегда с тобой.

И хозяйин погружен в себя. Нельзя делиться ни с кем ни намерениями, ни радостью успеха. «Как живёшь?» Это – дежурная фраза...

Дед-ветеран войны, кавалерист, проходил все праздники в гимнастёрке с иконостасом на груди, так по его завету мы его в ней и похоронили. Казаком был, отсидел до войны, как белогвардеец. А началось, в 41-ом ушёл добровольцем, т.к его возраст не призывали. Отец выходит сын казачий. А вот я точно хрен собачий. Ни формы нет, ни песен не знаю. Даже более того, подсмеивался в 90-х над теми, кто её носил, ни их общине, некому из них не помог. Поэтому они и не задержали меня на своей земле, когда нас пёрли оттуда казахи. Не за горами полтинник. И мутит меня... Ладно, хорош! Так вот, немногословный мой золотой дед говорил мне – зануда тот, кто на вопрос как живешь, начинает рассказывать. Семьи нет до сих пор. Яхта дрянь! Уже две поменял, а эту продам вообще...

Идёшь ты на ней, всё кодро знает о тебе не самое лучшее. А я – о них. Пуститься с ними в сантименты – за дурака сочтут. Хорошо – Серёга есть. Ну, что-то его ещё не видно, подтянется.

На пляже никто не знает, что у тебя бабки, яхты. Там сам себя можешь показать «в полный рост», на девчат посмотреть. Оценить как они на тебя смотрят не за бабки. За бабки, которых приводишь, смотрят всегда хорошо. А для убедительности взгляда что-то закапывают в глаза. Блеск от дорогого выпитого проходит быстро, потом затуманивается. А этот блеск опять поджигает твою исключительность, а как её проявить – начинаешь ей делать подарки, и не лучшие, я в них до сих пор не разбираюсь, а подороже – бабки то немереные. Завидую Потанину, он видно разбирается. Отхватил себе за лимон зелени «Квадрат Малевича». Балдеет, наверное. Только сам или кому-то подарил?! Мой станичник, Потанин Григорий Николаевич – казак Горькой линии, казачий офицер, путешественник, исследователь. Его именем назван хребет в Китае и крупнейший ледник на Алтае. Был даже избран главой Временного Сибирского областного Совета. В классе висел его портрет. Мы все им гордились. Он был рожак нашей станицы Ямышевской. Отец его был разжалован из офицеров в рядовые. Умер в нищете. Хорошо, если бы сегодняшний Потанин-Норильский не был родственником Григорию Николаевичу.

Задумался опять. Как жизнь устроена. Одни прожили в нищете... А как служили России! Мы бесплатно отучились... отлечились... Сорим деньгами, катаемся на яхтах, финансируем иностранное производство. И на прямую – вложениями, и косвенно – закупкой готовой продукции.

Потанин-Норильский дальше пошёл – своими Норникелем гробит Сибирь. Наверное, после квадрата Малевича бабок не хватило на своевременный ремонт башни на реке Амбарной. Его за это в новостной программе по-дружески распекал Президент. Теперь его можно и не судить.

А тут приглашенный кореш смотрел сегодня. На неё, – не на яхту. У него не хуже. А приглашаешь равных себе или покруче. Да и она – заказная, один раз ответила взглядом. Заметил! Не уступлю! Это не тот случай... И так позавчера просел, пришлось поделиться, куда денешься. Утешаешь себя – все мы зависим (это сакраментальная мысль, примеч. Авт.). Накатываешь! Продолжаешь себя утешать – ничтяк за контракт, который он мне подписал, я ещё до его выполнения, куплю себе ещё корыто, собирался

эту менять. Подожди, купим, поменяешь. Запутался! С ним-то ты рассчитался, а откаты? Надо считать.... Дороги бросил строить. Там от них оставалось в конце себе 2-3 процента. Откаты там безумные. Откуда будет качество дорог! А профицит бюджета? Не хотят брать бюджетные деньги из-за откатов – грабят! Там все контролируется «оборотнями в погонах» и начинают и они тебя доить. И как только команда сверху забрать у тебя дело, все выкладывается... сдаешь сам. Как этим парням не брать, когда они за копейки месяцами не знали выходных, подставляли лоб под дуло, все досконально знают поскольку гребут наверху. Пример есть: рыба гниёт с головы. Ныряют же туда от усталости. Есть среди них толковые: слово у них – закон...

Усилим воли приземляю себя возможностью подогнать десяток подружек покруче. Нашли фраера! Я если и прогибаюсь, то с умом! А, чего хорошего?! Этих девчат сами деньгами опустили. Оканчивали вузы. Окончили. И никому не нужны. Сидят в конторах бездари – родственники хозяев и начальства. Наливаешь ещё, убедив себя, что все у тебя хорошо. А тут ещё радость: Семён, не просто переглядывался. Увёл, пока у причала торчим. А уже отошли, сам дал команду и не заметил. Эти двое, там на берегу – считают что кинули. Мне меньше хлопот. Чуть задевает. Её то я не светил на этой публике, что моя. Дал ей знак, что будет. Щелкнул пальцами. Этот балбес рядом:

– Ты не видишь, что в стакане засуха. И из резерва главного командования подгони Люську. А сам себе – она только со странностями. Просится каждый раз на яхту, ни разу с ней не был. Болтал раза три. А держу каждый раз для себя. Посадил её в сторонке: ей пока и этого знака достаточно. Ведь не самая красивая, а что-то внутри задевает...

Только ещё отошли, а уже проблем туча. Вот так всю жизнь! Люська пришла, не прогадал... Да уже и стакан не пустой, протянул к нему руку, задержался. Себе – пока стоп. Надо все сначала выстроить. А тут ещё этот долбанный Семён сидит занозой. Не отыграл, кипит. Щелкнул пальцами – принеси связь. Достать его не могу, но покатаю немного. Набираю.

– Прости, не зашёл. Да, собирал это кодро. Да вроде все продумываешь, но всё равно это долбанная мелочевка. Даю тебе заработать. Ха-ха, мою долю? Заиграешь себе. Семён сошел на берег. Да нет не лаялись. Пригруженный проблемой придёт к тебе, точняк. Думаю, что скоро. Набрось на побрякушки суммы, будет сбрасывать, не уступай. Ему надо о себе заявить. Ну, ты и молодец! Да все мы на земле одинаковы. А яхты?! Это самообман: подумали, что на воде нам будет лучше. Ни хрена, и это фуффло! Пока! Молодец! Умеет забалтывать. – Сам себе: – ведь знаю же. А когда здесь швартуюсь,

пру к нему. Как бы его под себе дернуть. – И вслух, – Вот дятел!

Сосед! Ни сразу вспомнил, кто это. Вот этих чертей надо ублажать! Протянул стакан, чокнулись.

- Да, это я сам себя.

Улыбнулся довольный. И, как сибиряк, похвалил себя: «Живешь за Байкалом, не щёлкай...» (скажем помягче – клювом, прим автора).

И всё же этот долбанный Семён... хоть дела с ним без кидалова. Да, оно, один Бог без греха, перекрестился, встал. Понял, что рано. Бабки у них у всех. Девки свои в основном. Есть и в «резерве главного командования». Стоп! Люся! Резко развернулся. Смотрит на меня. Самому козлу приятно. Сам себя не обуешь. Туфта лезет в голову. По безрыбью... Чего это я себя опускаю. Рыбки здесь будь здоров! Что это, из-за долбанного Семёна несёт на критику самого себя? А в натуре, может этот взгляд и продолжение будет единственным приятным на борту. И опя-я-я-я-ять! Может пока не платил. Ну, и тварь я! Что, во мне живёт два человека?! Ну, один из них точно не человек.... Прервался, задумался, вздохнул... Это точно я! И тут заметил, что стою посреди «майдана» с пустым стаканом в руке, на меня почти все смотрят, а я ни туда, ни сюда. Резко разворачиваюсь и демонстративно канаю к Люсе. Целую её... Ну, бля! Она даже покраснела. Да и я козёл, смутился. Нам наливают, стакан с собой. Погода хорошая, буквально в раю. Боюсь прервать это блаженство. Закрываю глаза, чтобы не встретиться со случайным взглядом и не спровоцировать расшаркивания. А так без приглашения если не покличу, подойдут редкие. Масть «поперла». Извиняюсь, подносят телефон. Если не сказать, что взгляд у меня сейчас, наверное, зверский это ничего не сказать. От него подающий, вздрогнул.

– Это единственный звонок о котором Вы нас предупреждали...

Вспомнил, называю сразу по имени.

– Отгрузили? Спасибо. С меня...

Можно не продолжать, все знают, что рассчитываюсь. Планку не завышаю –но считаю сам себя здесь порядочным. Да и вся шобла с которой толкаюсь разная. В бизнесе с одними порядочными, не заработаешь. Да и отношения со всеми другими... Не нашел слова. Миша Веллер в своем «Бомже» оценивая строй, при котором вращаемся, не живём, сказал четко и правду, может не совсем, как у него, запомнил: – «Капитализм – это кидалово одного другим». А показал сколько нашего брата срубили бабки на подъеме. Отдельные здесь ещё удержались. А те, кто думал, что взлетел на «много и сразу», разбились вдребезги. По мелочевке вначале подкидывали на время друг другу. Потом потребности подросли, сунулись в банки... О, какое же это сучье сборище – банки! Скольких они снесли и при нормальном подъеме и на взлете.. Как они мило предлагают: возьми...

Д. Трамп в своей книге «Путь на верх» издание 2009 года приводит слова Вильяма Ф. Тайри «Всегда проще сказать «нет» торговому агенту, чем банку». Стоп, что это меня понесло?! До президента Штатов уже добрался... – Протянул руку к стакану. – А берут те, кто не смыслит и построения у них элементарного нет, как отдавать. Сам с банками не работаю, заместитель. Обижаются, пренебрегаешь. И правда. А без них нельзя, перекрывают кислород. Такие головы!!! Такие схемы за столетия склепали – цепи. Что там о нас говорить. Вон в мире демократию прививают постра-а-ашней! Двигают сходу! Хотите стать демократическими, козлы. Возьмите сначала кредит МВФ. Заразившись от них, а может войдя, быстрее всего, войдя в долю руководители демократических стран с утра до вечера «пекутся» о благе людей. Рекламируют ипотеку, она же уже никому не нужна, снижают процент. А чего здесь бояться, не выступишь квартирка всё равно у нас останется. Это не то что дать бабки в залог под машины, вещи, под трусы. Потом они никому не нужны, на себя надеть их мордой крутят – не гигиенично. Самое страшное случится, когда полностью посадят на безнал. Это инструмент не только контроля, он будет и карающим. Не угоден – остановили все твои перечисления. Из-за этого не можешь платить налоги - закрыли счет без объяснений. Не то, что рухнет предприятие, голодный останешься. О работниках и говорить не приходится. Их грабят больше всех: население – священная дойная корова. Стоп... Я же рядом с Люсей. Поворачиваю голову. И осекся... Люся на меня смотрит с мокрыми глазами и так жалостливо. Глянь – и другие... А бармен с опаской. Представил я свой вид со стороны: сидит чудака, одетый во что попало, - не люблю наряжаться вообще, - а здесь яхта. Опять с пустым стаканом в руке, уставился в одну точку и явно не на красавицу. Лихо приехали на отдых!

Не смутился, не первый раз. Наверное, больше всего я про себя знаю, про эти чудеса – всё есть, даже через край, а чего-то нет главного, наверное жизни.

Да, мать твою так! Опять несёт. Смотрю на Люсю, выражение её взгляда не поменялось. Господи! Даже перекрестился бы. Смотрят вокруг: с чего это бы. И никто не догадается. Даже Люся! Больше всех в эти минуты благодарен... Да вы тоже! Не догадаетесь... Семен-у-у-у! Вот подлюка, везучий, бабу красивую увел, меня огорчил, но на время. А я ему в мозгах своих уже бутылку лучшего виски выписал – он любитель, при встрече! Спасибо, что ту увел.

А почему на время огорчил! А потому с того момента, когда я здесь очнулся, не спускаю глаз с Люси! Бестолковка как начала работать! В мальчишеские сантименты ударился. «А я её в фонтане искупаю, я на асфальте напишу её портрет. И что мне ночью делать с ней, я твердо знаю. Я думал так, когда мне было двадцать лет». Неплохо кто-то замутил в песне.... И опять внутри этот первый или второй. Да, но уже не 20! Решаю. Люсю беру с собой, но в голове – «а сколько раз она на яхте?» Говорил с ней: о чем не помню. Имеет мой самый дискретный телефон, сам дал. Знает когда уходим на яхте. И когда её не брали, звонила, просилась. Молодец! И допросилась! Телефон подносят: « – Тот самый, о ком вы предупреждали.»

Ещё раз беру трубу. Сколько усилий, чтобы её не трахнуть о палубу. « – Вопросы не без оснований. Здесь не решайте. Отчаливайте. Во Владике подойдешь у кого были вместе. Меня не называй, пока будете идти, свяжутся другие...». Отдаю трубу.

– Больше ни с кем не соединяй. Сбрасывай на Филиппова. Важное скажешь перед дневным сборищем. Пусть придет Толя и назовет кто на борту. Приходит Толя:

– Понятно двоих особо нужных нет. Буду только на обеде. Об этом – никому. Наливайте по полной, пусть гуляют, может ещё кто-то скопытится. Меньше будет пьяного толковища...

Промыл глаза вискарем и разглядел. Взял Люсю за руку и предложил прогуляться по яхте. Получилось недолго, стали подходить бесконечно. Ушли в каюту, потом обедали все вместе. Вдвоем с Люсей оставался первый раз до утра.

Утром во мне этот мракобес проснулся и опять за работу. И так, сучок мягко. Не поплыл ли я, не привязывайся у тебя и без того столько заморочек. И не убьёшь его, прижился он мертво во мне. А отплывать нам в жизни приходилось часто от одного берега к другому. И кто кем для нас будет на новом берегу?! А этого я уже знаю, понимаю как его отгонять от важного, да и нового для меня.

Этот подлец, пакостник все знает, что во мне живет другой. И зло старается достать! Что плакала, задела?! Другой бы раз я дал ему в морду. А тут спокойно сказал, что многие около меня плакали на радостях, с горя когда отказывал, меньше – когда недодавал. А это материнские слёзы, она меня жалела. Внешне вроде и не за что было. Поняла, как хреново мне бывает, внутри сколько там мути. Не проронила ни единого слова. А мамы у меня уже давно нет, на похороны даже не приехал, был при разборках. Да и сейчас нечасто летаю в Сибирь. Этот внутри молчал, хоть и мракобес. Потом я сказал ему: «Теперь у тебя многое зависит от того как договоришься с Люсей»...

А вот тогда, когда утром Сергей сказал, что пора допохмеляться, а потом спел песню за песней, я всё ещё не догадывался, что и моя песня спета, как ведущего конспиролога современности.

– Ну, что конспиратор, теперь тебе придется идти впереди нас. Мы тебя как следует опохмелим и ты нам скажешь кто тебя к нам приставил.

Все было настолько шокирующим. Отшибло мозги или их остатки и парализовало речь. Ребята и здесь были внимательны. Для убедительности их намерений взяли меня за подмышки и метра три пронесли по воздуху. Но и это не помогло. Я даже мычать не мог, ноги заплетались.

Шли молча. Я – впереди. Подсказывали: когда повернуть. Было уже все равно. Ещё совсем недавно я представлял себя чудо конспиратором современности. Сейчас твердо знал, что просто жизнерадостный рахит, вырвавшийся из пандемудии. Но все же я кого-то сам себе напоминаю. Кого?! Подошли. Решил взглянуть на свою последнюю пристань – гостиницу. Поднял голову и меня обожгло – Плешнера из «Семнадцати мгновений весны». Шёл старик, уверенный в себе конспиролог, радовался жизни. И пришёл...

Гостиница была шикарнейшей. Мы вошли в лифт, взлетели на этаж, какой не знаю и оказались в номере. Мне, кажется, предложили помыть руки, но быстрее всего я сделал это сам по пандемудийной привычке и стоял посреди номера. Мне без всякой корректности и сентиментальности предложили пройти на балкон. Я и здесь ничего не замечал. И только когда на стол стали ставить бутылки, я разглядел воду и не дожидаясь стакана, начал пить из горла. Сознание приходило, пил умышленно медленно, собираясь с мыслями. Их собрать из-за множества не получилось. Резкое «садись» их опять запутало. Виски не помогли, не брали вообще. Затягивая время, начал опять их собирать. И опять окрик, возможно было сказано и тихо, но для меня он был погромче выстрела.

– Ну, давай, колись.

Я перестал пить. Никто не настаивал, окриков больше не было. И я сам заговорил. Начал с самого начала, как увидел их на набережной, они меня тоже сразу засекли.

Прервали: ты кто? Ответил, что я писатель. Они это заметили и прокомментировали.

– С такими подробностями только писатель и может все излагать. Как тебя зовут?

– Федор.

– Меня Виктор, его Максим.

Ляпнул: «Я знаю».

Нечего было видеть их лица. Я всё понял и от души рассмеялся.

Расслабление наступило моментально. Я заметил размеры балкона. И, раскрыв рот, уставился на море. Они тоже повернулись. Из бухты выходила та самая яхта. Они её тоже узнали. Мы все встали. Стояли молча. Каждый, наверное, думал о своем.

Яхта проходила мимо закрытого на карантин пляжа, он практически был под нами. **Сергей сказал**

:

– Яхта выходит из пандемудии, как ты её мягко называешь.

Выйдя за огражденную акваторию бухты, она немного ещё прошла тихим ходом и дразня нас, прибавила ходу. Сразу стало заметно, что она правильно заложена, не тянула за собой воду. И вода бухты, прощаясь с ней, отпускала её. Яхта слегка вышла из воды, как бы пытаясь взлететь. Потом передумала и набирая скорость начала удаляться. Молчание затянулось. Прервал его я.

– Жаль, что вы унесли мое тело от этой красавицы. Я уже в голове набросал рассказ. Не хватало только увидеть ещё раз хозяина и как она отходила от привальной стенки пирса..

Сергей нашелся сразу в своем ключе:

– Думаю, Федор, тебе понятно, что уплывают пароходы совсем не так, как поезда. Портрет хозяина рядом с тобой – Максим. Они хозяева не только внешне похожи, но и одинаково чокнутые. Перенеси его из семилетней-восьмилетней давности, на эту яхту, от которой мы тебя оторвали. Ты его попытай, много интересного узнаешь. А ты Максим не жмись! Он будет писать без фамилий. Расскажи про Люську. Я ничем не примечателен. Может только тем, что я с Максимом с детства и, если он отдаст должное мне за мое терпение и назовет меня другом, мне будет приятно. Но я и небескорыстный и очень бы хотел, чтобы у рассказа было мной предложенное название, отвечающее сегодняшнему дню: «Яхта выходит из пандемудии».

– И пусть Максим тебе расскажет, как я его спас от чудачества или обезьянничания. Яхта, которая ушла – Елена. Он хотел свою переименовать Люсией.

Пили совсем мало. Завалились поспать днем. Я – на диване. Ночной разговор для всех был серьезным. Проговорили до утра. Вышли на набережную, дошли до их бара и огорчили официантов: пили кто чай, кто – кофе.

Для меня было многое ясно. В Москве жил, на море бывал и раньше. Оказался и в настоящем периоде выхода из пандемии, яхту видел. Меня поразило внутреннее состояние, граничащее с отчаянием солидного производственника-предпринимателя. Я спросил:

– Максим, можно хорошо зарабатывать занимаясь реальным производством?

Он сказал, что Россия клондайк. И если бы платить даже сегодняшние безумные налоги, и не кормить банки, и якобы контролирующее производство организации.

– Государство это насилие над гражданами. И заключается оно в одно- или в двуединстве: всем без исключения исполнять законы и в равной степени, без исключения – это самое важное – нести одинаковую ответственность за их неисполнение.

– Федор, вот ты теперь и подумай, есть оно у нас или нет?

– А правительству? Для Правительства самое главное – обеспечить протекционизм, памятуя, что при таких национальных богатствах его граждане без вмешательства, и без постоянной смены правил игры сами во всем разберутся и всё выстроят.

– А ты сам, предприниматель и работники твоих предприятий?

– Ваш брат-писатель говорит, что предприниматель – самый не популярный литературный герой. Просто вы не знаете, что значит провести предприятие через штормы принимаемых совершенно диких законов и смену правил игры по ходу «пьесы»... Через тендеры и откаты за них... Через кредиты и опять откаты... Через контролирующие организации и опять откаты... Налоговая... и та, с порога сразу заявляет сколько ей надо перечислить в конце, якобы, проведенной проверки! Сегодня все это дополнила пандемудия. Решения ее устроителей, с их пресловутой самоизоляцией или самоарестом совершенно не связаны с внутренними да и внешними взаиморасчетами. Завтра встречусь лицом к лицу с работниками. Прочту в их глазах наболевший за эти месяцы вопрос: а что с зарплатой... Я с ними вместе поднимался эти последние десятки лет. Конечно, найду. У них – семьи. Многие из этих семей знаю лично: помогал с учебкой, с лечением... А что яхта?! Сначала был понт. А позже – надежда скрыться на ней от этого бедлама. Не получается... А бухаешь – от дичайшей усталости.

Признание истинного положения дел и наличие писательского таланта позволяет написать много производственных романов. Ведь брали в разные времена эти высоты и Драйзер, и Уолер, и Хейли. Да и у нас была целая плеяда писателей, таких как Константин Федин, Леонид Максимович Леонов, Федор Гладков, Валентин Катаев... Вот и тебе, Федор, мимоходом предложение.

...Я оставался на море. Максим торопился к своим двоим малолетним детям. (Возможно и к Люси). Сергей к троим постарше. Но торопился не меньше. Его, ведущего конструктора, и здесь постоянно доставали звонки. Уезжали они вместе.

Сергей, глядя в никуда, изрек:

– Яхта вышла в море, а как мы будем выходить из пандемудии?!

Максим как бы подвёл итог:

– Сколько нас ещё будут крутить. И будут: развернутся особенно после

Яхта выходит из пандемудии

Автор: pavel

Конституционного голосования. А пока пугают только второй волной. И радуют, что вакцина уже разработана. И если мы все выйдем из пандемудии такими же му-му, мягко говоря, как из лихих 90-х, то нам одна прямая дорога на вакцинацию.

Пожали друг другу руки. Но и здесь Сергей не преминул: – « И яхта пошла своей дорогой, а каждый пошёл своей...»